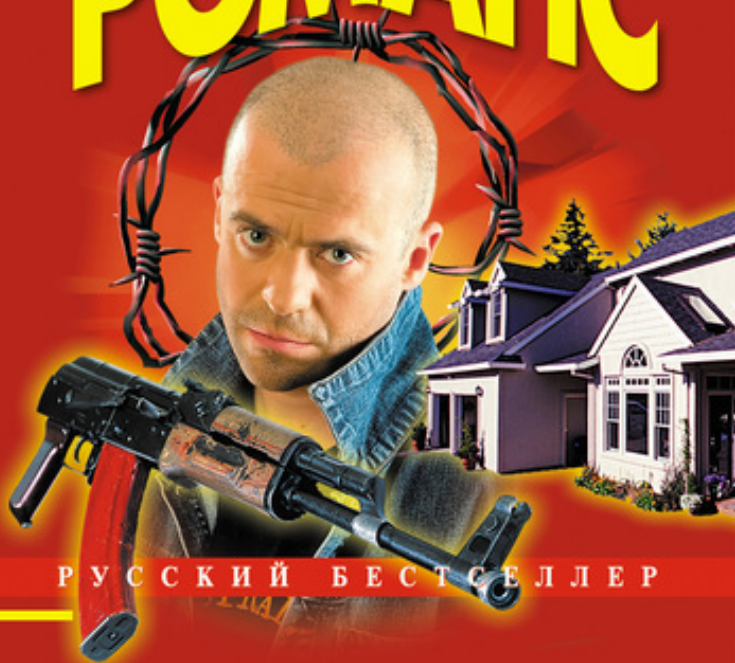

Вячеслав
ДЕНИСОВ

ТЮРЕМНЫЙ
РОМАНС

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Вячеслав Юрьевич Денисов

Тюремный романс

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=245792

Тюремный романс: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-16511-8

Аннотация

Кому охота париться на нарах? Особенно если тебя подставили. Вот и бандит Кусков по кличке Штука только и мечтает о том, чтобы выйти на волю и разобраться со своим обидчиком – авторитетом Яшей Локомотивом. А ведь когда-то были лучшими друзьями... И все из-за денег. Только Штука тоже не лыком шит. Ему бы только выбраться на волю. И тогда он покажет, кто в городе хозяин.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	22
Глава 2	27
Глава 3	44
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Вячеслав Денисов

Тюремный романс

Предисловие

Есть в Тернове универмаг. Называется «Центральный». Так принято – называть универмаги по принадлежности к административной единице города. Здание – как по своей истории, так и по внешнему виду – уникальное. Что касается истории, то второго такого в России, пожалуй, не сыскать. В одна тысяча восемьсот девяносто седьмом году его сдал тогдашней приемной комиссии архитектор Бенуа, специально выписанный для этого из Италии государем Николаем Вторым. То ли торопился итальянец достроить Русский музей в Санкт-Петербурге, то ли не было у него большого желания возиться с этим терновским долгостроем, да только уехал он, не покрыв крыши. Бенуа есть Бенуа, и стыдно спрашивать с него за крышу, если дом построен. Терновские ваятели возводили бы его лет десять, причем никто не поручился бы за то, что это было бы похоже на дом. А Бенуа постарался на славу. Тернов – не Питер, и в то время в этом городе можно было строить здания, высотой превышающие Зимний дворец. Это в городе на Неве особенно не развернешься. Сначала по цоколю Эрмитажа вымеряй, а потом под эту высоту

– планируй.

Одним словом, Бенуа разошелся. Хоть и три этажа, но пятиэтажные «хрущевки», сбитые в кучу в конце пятидесятых неподалеку от творения итальянского мастера, дышали ему своими чердаками в окна второго этажа. Поначалу строение планировалось под Собрание купеческих гильдий, но, осмотрев творение, тогдашний градоначальник Охлобыстин повелел отдать его под торговые пассажи.

С тех пор, какие бы вывески на здание великого мастера ни вешали, он оставался зданием, предназначенным для масштабных торгов. Традиция сия докатилась и до сегодняшних дней. И дело даже не в традициях, а в самой архитектуре. Бенуа строил торговые пассажи. Он, к примеру, не мог предполагать, что его детище спустя тридцать лет попадет в поле зрения руководителей Губревкома, а те разместят в этом чуде архитектурной мысли Губчека. Но Бенуа знал, что ваял. Функционерам от Чрезвычайной комиссии вскоре стало ясно, что если в этом доме одновременно заголосят все приглашенные на допрос свидетели, то эхо будет такое, что в далекой Австралии попадают с пальм дети всех угнетенных английским империализмом аборигенов. И потом, не до конца было ясно, где тут можно расстреливать, а где содержать. Удобнее всего приводить в исполнение было лишь в холле на первом этаже, а содержать в отделе галантереи, но тогда это была бы не Губчека, а предоставленная всеобщему обозрению преисподняя. Как же тогда доказывать безграмотным

крестьянам и рабочим, что ада нет, а религия – это опиум для народа? Функционеры плюнули и оставили дом тем, для кого он, собственно, и строился. Очень скоро его интерьер на Петровской был облеплен вывесками «Главтерноврыба», «Швейтерновторг», «Мясо», «Водки-Вина» и прочими.

В две тысячи первом году мэр Тернова, преемник славных дел Охлобыстина, сделал то, до чего не додумывались его предшественники все сто с лишним лет после постройки дома. Если бы Бенуа знал, во что превратится его творение, он наверняка бы заплакал. Пассажи Бенуа – по примеру Терновского речного порта – от асфальта до чердака покрыли зеркальными стеклами, отчего оба здания приобрели вид гигантских ванн, вывернутых наружу.

Но наступил момент, когда тревогу забили руководители ГИБДД. Дорога к универмагу «Центральный» вела через весь город, от Пятого микрорайона, и была пряма, как просека, прорубленная зэками для укладки рельсов на БАМе. Поэтому можно было, глядя на универмаг, выщипывать волосины из носа на балконе дома, расположенного на другом конце города. Дорога подходила практически к крыльцу творения Бенуа, после чего расходилась в разных направлениях под прямыми углами. Но тревогу гаишники забили уже после того, как случилось то, о чем они догадывались.

Эту ночь с пятого на шестое июня 2003 года будут помнить все горожане, но лучше всех, конечно, запомнят мэр Тернова Мартынюк, давший распоряжение придать универ-

магу облик космического объекта, и Виталька Кусков по кличке Штука.

Утром пятого Виталька, почувствовав приток депрессии, сел в свой «Мерседес-300» девяносто пятого года выпуска (угнанный из Германии и с перебитыми в Польше номерами пригнанный через Прибалтику), выкатился из-под своего дома, с парковки, и стал колесить по городу. Вся братва отправилась за город праздновать день рождения Яши Локомотива, забыв пригласить на это мероприятие Витальку, и оттого настроение у Штуки было гадкое. А все из-за пьянки, которая случилась в ночь с четвертого июня на пятое. Перебрав, Виталька устроил с разминающимся перед основным праздником Локомотивом соревнования по армрестлингу. Дело происходило в ресторане «Огни Тернова», в присутствии полусотни таких же, готовящихся к завтрашнему празднику, господ.

Освободив одну из барных стоек от бутылок и рюмок, Виталька с Яшей встали по разные стороны и стали ломать друг другу правые руки. Господь обоих не обидел здоровьем, поэтому противостояние длилось довольно долго – около пяти минут. Потом то ли винные пары Витальке в голову ударили, то ли он куда торопился, только Кусков вдруг врезал Яше хук слева и, пользуясь глубоким нокаутом последнего, быстро прижал его руку к полировке стойки. Нечего и говорить, что победа была признана недействительной, а Витальку дисква-

лифицировали. Дисквалификация, судя по всему, захватывала и тот отрезок времени, когда Локомотив на Медвежьем острове праздновал свое тридцатипятилетие. Потому и одолевала Витальку депрессия.

Немного покружась по Тернову и не найдя веских причин для того, чтобы набить кому-нибудь морду, он снова оказался в «Огнях Тернова». Победу Витальки там, судя по всему, еще помнили, ибо трое халдеев в бабочках до сих пор подметали пол от осколков стекла и мебельных щепок.

Начинать в 12.00 с мартини было как-то рановато, поэтому Виталька заказал селедочный салат, горячее, литр ананасового сока и двести водки.

Двести водки закончились гораздо быстрее, чем литр сока, поэтому Виталька попросил повторить.

Официанты повторили, однако насторожились. Не испугались, а насторожились. Они бы пришли в ужас, если бы тут находились Локомотив и Штука одновременно. Эти двое сами по себе – по отдельности – были парнями вполне милыми. Но – как сера и селитра: стоит их соединить вместе, да еще добавить угля...

– Музыку!

Официанты напряглись чуть сильнее, однако Шуфутинского включили.

– Я что-то стриптиза на сцене не вижу.

– Понимаешь, Виталя, – объяснял Кускову вызванный администратор, – сейчас час дня. Люди в поле, у станка и при-

дут сюда часов через восемь...

– А я не «люди»? Хер на блюде?

– Нет, конечно, не хер, Виталья. Но девочки-то с мальчиками отдыхают. У них ведь все наоборот: ночью работают, днем спят...

Кусков вздохнул.

– Тогда сами выходите на сцену. Весь штат ресторана. Мальчикам разрешаю оставить бабочки, девочкам – туфли. Хочу вальса и чечетки.

Спорить с Виталькой – это все равно что спорить с Локомотивом. Залитые внутрь их двигателя сто граммов алкоголя убедительно доказывают, что ничего невероятного в природе не бывает.

Через час непонятно откуда привезли заспанную танцовщицу и такого же опухшего лицом и худого телом танцовщика. Они вышли на сцену с таким видом, словно их вывели на расстрел, ежась от солнечного света и совершенно не понимая, зачем они здесь и почему. Однако, увидев Витальку, вспомнили и под звучащую из колонок Милен Фармер стали исполнять какие-то трюки двух перепившихся любовников.

– Да, это не карнавал в Рио, – отметил Виталья, но на стул отвалился и лицезреть стал.

Заказал еще двести и салат «Огонек».

Потом еще двести и икры.

Еще через час – в начале четвертого – стал играть на сцене на позабытом музыкантами барабане, стараясь попадать

в ритм движений очумевшей от эротического танца пары.

Без пяти четыре потребовал принести из реквизита бескозырку и попробовал станцевать «Яблочко». «Яблочка» не получилось. Тогда он пригласил голую стриптизершу на тур вальса, хотя бескозырку не снял.

В четыре двадцать он дал администратору сто долларов и попросил микрофон с караоке. Допев до конца «...на том пруду, куда тебя я приведу-у-у-у-у...», он согнул о шею держатель микрофона, поднял со сцены стул и уничтожил им весь интерьер бара.

После пил прямо из горла графина, бил кого-то не по злобе, потом вдруг оказался на кухне, где пытался склонить к сексу повариху, обжег себе о плиту руку, затем направился в туалет и, не найдя там писсуаров, стал скандалить и требовать сантехников. Его проводили в соседнюю дверь. Виталька писсуары обнаружил и о сантехниках забыл.

Потом свет погас. А когда включился, Штука обнаружил себя абсолютно обнаженным в постели с какой-то девицей. С трудом узнав в ней танцовщицу, он, находясь в совершенно невменяемом состоянии, плюнул и стал одеваться на выход. Раз пять или шесть он смотрел на наручный «Ролекс», однако определить время так и не смог.

«Мерседес» стоял там, где он и предполагал, – около крыльца дома. Бросать машину он мог где угодно, ибо в Тернове очень хорошо знали, кому авто принадлежит, и во всем городе до сих пор не находилось ни одного идиота, который

решился бы выдать у «мерса» форточку и выдернуть магнитоу. Не говоря уже о том, чтобы угнать саму машину.

Виталька уселся на сиденье, безумно поглядывая по сторонам. Пятиминутная привязка к местности не дала совершенно никаких результатов. Точно так же, как и процесс проникновения в глубь собственной памяти: все, что на данный момент стояло перед глазами, это занавески в серебряную клеточку, троящийся в глазах экран телевизора и тощие, дергающиеся над ним груди танцовщицы. Груды дергались, значит, секс все-таки был.

Кусков плюнул на асфальт, занес ноги в машину и включил зажигание. Главное, думалось ему, выехать на большую дорогу. А там уж можно сообразить, где он и как с этого места доехать до дома.

Виталька медленно выехал со двора, стараясь все множась перед глазами одинаковые объекты совместить в одно целое. Наибольшую трудность представлял проезд между шестью колоннами, преградившими путь машине при выезде на улицу. Проклиная сталинский социалистический ампи́р, Виталька разделил шесть на два и аккуратно протиснулся между третьей и четвертой колонной. Иначе говоря – между двумя имеющимися в наличии.

Район он не узнавал. Как будто эта тощая шлюха из терновского кабака увезла его куда-то как минимум в Казань, изнасиловала да там и бросила.

Если бы Виталька мог сейчас владеть мимикой и гово-

ритель, он наверняка бы поморщился и едко отчитал себя за очередной перебор при приеме похмельной «сотни». Потом поболтал бы сам с собой в машине, пожевал «Орбит», окончательно пришел бы в себя, купил бы наручные «Tissot» последней модели, нанял бы моторку да отправился на остров просить у Яши прощения. Все бы было хорошо – он был бы прощен, снова признан названным братом, после чего Медвежий загудел бы, как растревоженный улей... Все это было бы, если бы Штука, выезжая на широкую улицу, мог говорить и анализировать происходящие события.

Едва он вырулил на середину проспекта, который по-прежнему не узнавал, в двустах метрах от него, впереди по курсу, светанула фарами встречная машина. Проявляя чудеса мышления, Виталька подумал, что было бы очень хорошо, если бы встречное авто не принадлежало райотделу милиции или, что гораздо хуже, ГИБДД. От «районников» можно откупиться, сунув двадцать долларов. При этом можно даже не помнить, как тебя зовут. А эти фраера со светоотражающими надписями на спине обязательно поведут к машине и начнут составлять протокол. А потом опять вали к замначальнику городского ГИБДД и плати тому триста баксов, чтобы тот похерил протокол.

Вглядевшись, Виталька понял, что тревога напрасна. Фары приближающегося автомобиля по своей мощи походили на «мерседесовские». Терновские милиционеры еще не обнаглели до такой степени, чтобы выезжать на службу на «ме-

ринах».

Однако этот ублюдок на иномарке двигался по той же полосе, по которой ехал Штука.

– Подлец, пьяный он, что ли?.. – открыл рот Кусков, мгновенно наполнив салон непереносимой концентрацией водочного перегара.

На всякий случай Виталька посмотрел на дорогу из бокового окна. Вполне вероятно, что по встречной едет именно он. Однако проверка показала, что добросовестным участником дорожного движения является как раз он.

Сбросив скорость, Виталька пару раз щелкнул рычагом, переводя ближний свет фар на дальний. Если водила напротив задумался, то это лучший способ вернуть его с небес на дорогу.

Поразительное хамство! Встречный урод на иномарке не придумал ничего лучшего, как ответить Витальке тем же! Мол, очнись, придурок, – я-то правильно еду, а вот ты что творишь?!

– Не в Японию ли эта шалашовка меня завезла? – прошипел Штука и, подчиняясь какому-то одному ему понятному импульсу, добавил газу, вывернул руль влево и перестроился на полосу встречного движения.

Вероятно, поняв, что происходит что-то не так, стремительно приближающийся владелец мощной иномарки вернул свою машину на свою полосу – то есть опять на встречную для Витальки.

– Ну, не сука ли, а?! – вскипел Кусков, прижимая педаль подачи топлива к полику и выворачивая на «родную», правую, привычную для перемещения по дорогам России полосу движения.

Повернул и почти протрезвел. В тот момент, когда до столкновения оставалось чуть более двадцати метров, разогнавшийся до сумасшедшей скорости владелец приближающейся иномарки понял, что аварии не избежать, если снова не вернуться на встречную. На этой полосе они оказались с Виталькой практически одновременно...

– Ну, падла!! – успел рывкнуть Кусков. – Жив останусь – порву!..

Последнее, что он помнил, – это свой отчаянный рывок в сторону от уже приблизившейся машины...

Удар!!! Хлопок мгновенно раздувшейся подушки безопасности!

Тишина.

За окном – свист.

Еще удар!!!

Звон стекол, лязг ломающихся металлических частей машин!..

Его машина катится по какой-то идеально ровной поверхности и наконец останавливается.

После раздавшегося за окном свиста Виталька Кусков был уже без сознания от динамического удара. Последнее, о чем подумал его почти насмерть отравленный алкоголем мозг:

«Если перелетел, значит, хорошо. Главное – не разбить голову, когда машина перевернется и врежется в какой-нибудь столб или автобусную остановку...»

Когда Виталька открыл глаза, он совершенно не понимал, где находится и что с ним произошло. Выбравшись из-под подушки, он с трудом открыл дверь, сразу уткнувшись во что-то мягкое и пахнущее новью. Еще пахло бензином, но это не в счет. Привыкнув к темноте, Кусков пощупал рукой стекло и понял, что на нем нет даже трещины.

«Странно»...

Растолкав плечами какие-то предметы, напоминающие парадный строй ватных солдат, он пробрался к капоту и так же – на ощупь – изучил и его. Если не считать треснувших фар и ободранного капота, машина была почти такой же, какой ее пригнали из Риги.

Повернувшись, Штука принялся ощупывать руками солдат, окруживших машину и его самого плотным кольцом.

– Что за лабуда?.. Пальты, пальты... Пальты... Я что, в барачной раздевалке?..

Только для раздевалки в бараке это было чересчур круто. Вешалки, на которых висели фуфайки и пальто, были даже на ощупь лакированными и ухоженными. И – никаких крючков. Все фуфайки висели на плечиках.

– Да где я, мать твою?! – заорал взбешенный Штука. – Где это мурло помойное на иномарке?! Э-э-эй!! Где я?!!

– На первом этаже, – сообщил ему спокойный голос. – В отделе женской верхней одежды, если тебе нужно знать абсолютно точно. Ну-ка, вылазь наружу, Шумахер! И веди с собой всех, кто там еще с тобой приодеться решил. Будем разговоры разговаривать!

Виталька в полной темноте нахмурился и скрежетнул зубами.

– Это что за лох там болтает?! Щщща-а-ассс...

Расталкивая в сторону непонятные пальто, он сантиметр за сантиметром стал продвигаться в сторону голоса.

Едва он откинул последний кусок драпа, как ему в лицо ударил слепящий свет. Реакция была заторможена, поэтому Виталька сначала медленно отвернулся, потом закрыл лицо руками, а уже затем повернулся.

– Милиция, товарищ водитель автомашины номер 222! Покажите руки, чтобы их было видно!

Свет исчез, Штука убрал от лица руку и всмотрелся в темноту.

– Вы один?

Виталька молчал и студенистым взглядом смотрел на синий «глаз» на борту белой «пятерки» и надпись – «Вневедомственная охрана».

– Да он пьяный! – раздался второй голос.

Виталька, понимая, кто перед ним держит автоматы, решительно замотал головой. Хотелось возразить более убедительно, но язык опять отказал.

– Конечно, пьяный, – повторил голос. – Михаил, смотри, да он лыка не вяжет! Ну-ка, иди сюда! Как фамилия?!

Кусков помолчал, похмурился, поиграл желваками, развернулся и пошел прочь. Уверенно пошел, но не прямо.

– Ну-ка, держи, Саня, этого наглеца! – послышалось за спиной Витальки. – Вот хам!..

– Ты почто в универмаг заехал?!

Штука, сидящий на земле, поднес к лицу обе руки. Одну не мог – на запястьях были наручники. Вытер кровь, сочащуюся из носа.

– В какой уни... вермаг?

– А это что?! – Один из сержантов ткнул стволом автомата в то место, откуда совсем недавно вышел Виталька. – Что это?! Охраняемый подземный гараж, по-твоему?!

Кусков посмотрел на пробоину, напоминающую повреждение на «Титанике», и поднял глаза. Потом посмотрел еще выше. И после – уже на крышу дома. В его глазах отражался изумленный ужас.

– Это что я... Это я... в творение... Бе... блин... нуа?!! Я в универсальный универмаг «Центральный» типа... попал?.. В отдел женских... верхних пальто, что ли?.. Ой-йе-о-о-о...

И схватился, как араб, за голову.

Ребятам из охраны оставалось лишь вызвать ГИБДД и сообщить о ЧП директору «Центрального».

– А где эта сволочь на импортной «помойке»?!! – вдруг

заорал Виталька, вспомнив, что в подобных ситуациях лучше всего быстро найти крайнего. – Это из-за этого уroda я... в нерукотворный... в галантерею...

– Сань, и врачей еще вызови, – помолчав, добавил младший из сержантов. Отошел в сторону и сухо сплюнул на асфальт с двумя жирными следами от широких «мерседесовских» колес. – Кто мне объяснит, что можно делать в четыре часа утра в универмаге, на машине, в состоянии белой горячки?

Рация работала из рук вон плохо. Старший говорил об этом командиру взвода Максакову еще вчера, однако тот опять отмахнулся. А как экипажу вневедомственной охраны работать без рации?! Это все равно что проктологу работать без резиновых перчаток...

Пока старший стучал тангентой о крыло, подвергая ее таким образом срочному ремонту, младший из сержантов от нечего делать зашел внутрь пробойны, и вскоре оттуда послышался щелчок открываемого запора багажника.

Через минуту младший сержант вышел, быстрым шагом подошел к старшему смены и отвел его от хозяина «Мерседеса».

– Сань, это тот самый... У него в багажнике «АКС»...

– Что?!

Младший покусал губу, словно от этого зависела чистота его речи, и по слогам повторил:

– У него в багажнике автомат Калашникова. АК. Без при-

клада. Значит – «АКС».

Два часа назад все находящиеся неподалеку экипажи были срочно направлены по вызову к Центральному железнодорожному вокзалу. Побывали у вокзала, подчинившись приказу, и эти сержанты.

Там, на путях, был обнаружен труп человека. На случайно выпавшего из вагона, по пьяни, он был похож мало. Одет не по-вагонному: вместо шлепанцев – туфли от Бергуччи по сто долларов каждая, льняная рубашка, выглаженные, словно наточенные перед боем сабли, брюки, а в карманах – ассорти преуспевающего человека: около пятисот долларов, пара тысяч в рублях и – о чудо! – паспорт! На имя Ефимова Ивана Викторовича. Это сочетание имени-отчества и фамилии не могло сказать для сержантов из ЛОВД ровным счетом ничего. Ефимов, так Ефимов. Иван Викторович, так нет вопросов... Заволновались после сообщения в местном УБОП. Они-то и прояснили ситуацию. Оказывается, Ефимов и Эфиоп – это одно лицо. Ефимова никто не знает, а вот Эфиопа не знать – грех. После добровольной отставки владельца сети казино и подобных игровых изб Измайлова этот пост тут же занял Эфиоп. Он и казино все переименовал таким образом, чтобы никто, даже с пьяных глаз, не перепутал, кому они принадлежат: «Третья Пирамида», «Сфинкс», «Хеопс» и еще три в том же духе.

Теперь этот арабист лежал между шестнадцатой и семнадцатой рельсами, напоминая своим видом человека, перед

носом которого сорвали банк. Какой-то подонок расстрелял гражданина Ефимова из автомата Калашникова калибром 5,45 мм и растворился в пахнущем креозотом воздухе железнодорожного вокзала. Вот такая история. Операция «Перехват», как и положено в девяносто девяти случаях из ста подобных, не дала никаких результатов. И вот сейчас, спустя три часа, взору двух милиционеров из вневедомственной охраны предстал совершенно невменяемый молодой человек – владелец «Мерседеса» и автомата Калашникова. Последний имел калибр именно 5,45.

– Что делать, Саня?..

– А что теперь делать?! Мать твою, вляпались... Теперь придется отрабатывать тему до конца и по всем правилам.

Младший нервничал заметно больше. Но это не мешало ему думать о том, как совместить приятное с полезным.

– Как ты думаешь, Сань, что нам теперь за это будет? Медаль?

– Если вот так – то ничего, – выдавил старший, рассматривая спящего под колесами их «Жигулей» Витальку. – А если скажем, что мы его гнали и при этом он отстреливался от нас из пистолета, который потом скинул, тогда...

Воровато оглядевшись вокруг, он подошел к своей машине, резким ударом сложенного автоматного приклада выбил левое окно форточкой; потом обошел машину и выбил правое.

Машина уставилась в темноту ослепшими глазами...

Миновав Кускова, сержант прошел внутрь универмага, намотал на ствол своего автомата одну из пол пальто и очередь из двух патронов прострелил колесо и левую заднюю дверь иномарки.

– Вот теперь, может быть, что-нибудь будет.

Вытянув из «слепой» машины переговорное устройство, он взволнованно и быстро сообщил на пульт дежурного о том, что попал в перестрелку, но сопротивление преступника сломлено и он обездвижен. Потом успокоил, что живы все. И свои, и чужие.

Следом очередь удивляться наступила для директора универмага и для дежурной части райотдела.

О применении оружия можно было сообщить еще и прокурору, как того требует закон, но сержант побоялся переборщить. Что-то ведь он должен сейчас сделать неправильно... Иначе нельзя – когда человек в шоке после стрельбы, он обязательно что-нибудь забудет. На то он и шок.

Глава 1

Седьмого июня у Антона Павловича Струге, судьи Центрального районного федерального суда города Тернова, был своеобразный юбилей. Есть даты, обойти вниманием которые просто невозможно. Годовщина свадьбы, день рождения, рождение ребенка – это то небольшое, из чего люди составляют, словно карточный домик, свою судьбу. По причине того, что этих дат никто из окружающих, если им не освежить память, не вспомнит, приходится обвешивать себя объявлениями, состоящими из приглашений.

Вы знаете, сегодня ровно пять лет, как я... Да, как я заметил, как прекрасен мир. И сегодня – ровно пять лет с того момента, как я выплыл на середину реки и смотрел на оранжевое солнце до тех пор, пока над водой не повисла полная темнота. Приглашаю на пикничок...

Вы не поверите, но нынче тридцать девятая годовщина моего рождения. Не кругло? Это вам не кругло, а мне очень даже подходяще. Ровно год до того дня, когда первая цифра в моем возрасте снова увеличится. А сорок лет у нас, у русских, с особым шиком не отмечают. Уже две тысячи лет, как дата неподходящая.

Юбилей Струге не любил, справедливо полагая, что они неотвратимо приближают человека к тому моменту, когда в его жизни случится праздник, веселья которого юбиляр уже

не увидит при всем желании. Да и дата вчера приблизилась не ахти какая – десятилетие миновало с той поры, когда Антон Павлович впервые в жизни надел на свои плечи мантию. Десять лет отправления правосудия... Кто-то скажет – судейства. Но судейство может быть только в футболе. И такое судейство следует принимать столь же безоговорочно и смиренно, как смерть или бесконечный дождь. Работать без права на ошибку – это слишком. Такое право должно быть у каждого судьи, главное, чтобы это право не превратилось в стиль.

К десятилетию юбилея судебной практики Струге с удивлением для себя обнаружил, что многие классики литературы пишут о нем. Точнее, не об Антоне Струге, а о том, чем он занимается. Ткни пальцем в любую строку первой снятой с полки книги. Надо только правильно интерпретировать написанное или правильно заменить слова.

«Любить иных – тяжелый крест», – замечает Пастернак. Заменить «любить» на «судить» – и вот уже в творчестве автора просматривается новая веха. Есть какая-то уверенность в том, что Пастернак знал, о чем писал.

«Редкая птица долетит до середины Днепра», – уверяет Гоголь. Червонец лет, заброшенный за спину, – и вот уже просматривается смысл и в творении автора «Ревизора». Вчера Струге отмерил ровно половину того срока, который определен им судьбой до пенсии. Не судьей, заметьте, а – судьбой. А десять лет в мантии для судьи, не привыкшего

смеяться над шутками начальства, это, поверьте, по нынешним меркам не так уж мало.

И, наконец, – «Что делать?». Именно вчера – в самый разгар того, как он, его жена Саша, пес Рольф и друг детства, а ныне заместитель областного прокурора Вадим Пашенко праздновали промежуточный финиш судьи, – Антон с неким оцепенением убедился в том, что к коллективу авторов-поздравителей юбиляра подключился и Николай Григорьевич... Нет, не тот, что трудился в судебном департаменте завхозом. Тот, который бился над Кирсановым, Лопухиным и Верой Павловной...

Нет, не о преступном авторитете, застреленном в прошлом году, судье из Кировского суда или начальнике жилищного департамента идет речь. Хотя после звонка следователя Еремеева из транспортной прокуратуры можно было подумать о чем угодно.

Итак: что делать? Этот вопрос мучил Антона Павловича и Вадима Андреевича, едва закончился телефонный разговор заместителя областного прокурора с «важняком» из его бывшего ведомства. Чтобы было понятно – почему бывшего, следует сказать о том, что в областную прокуратуру Пашенко перешел всего два месяца назад, а до этого момента служил транспортным прокурором. Потому и было для него шестого июля как снег на голову сообщение о том, что следователь транспортной прокуратуры Пермьяков арестован и водворен в СИЗО города Тернова.

Сашка Пермяков вместе с Антоном и Вадимом учился на юрфаке, вместе же они и начинали нести правовой крест на невспаханной целине юридического поля Тернова. Потом пути разошлись: Струге стал судьей, Пащенко – транспортным прокурором, а Пермяков продолжал пыхтеть над делами в должности «важняка». До вечера шестого июля две тысячи третьего года все шло хорошо: Антон Павлович отпраздновал служебный юбилей, Пащенко уже два месяца зампрокурорствовал в областной прокуратуре, а Сашка Пермяков занял место, которое пусто не бывает. «Занял» – понятие, имеющее сложную временную форму. Пока он его занял лишь в виде письменного приказа. После перемещения Вадима в надзирающем за транспортными сообщениями органе произошли изменения, в результате которых Сашка должен был подняться на этаж выше и сесть в кресло зампрокурора Терновской транспортной прокуратуры.

Если верить следователю Еремееву, Санька переместился не в кресло, а на нары. Вместе с приказом о назначении, судя по всему, появилось и постановление суда на арест. По всей видимости, тексты приказа о назначении и того постановления несколько расходились по смыслу. Если в приказе сроки не были обговорены, то в постановлении указывалось совершенно определенно – десять суток. И даже момент указан – шестнадцать часов пятнадцать минут.

– Ну, начнем с того, – продолжил литературный вечер Пащенко, – что, как говаривал Горький, этого не может быть,

потому что не может быть никогда.

До утра было решено не дергаться.

Причин тому было много. Сашка арестован по подозрению во взятке, а ночное появление в тюрьме бывшего прокурора мгновенно натолкнет определенные умы на сосредоточенную работу.

В общем, оставшийся коньяк пришлось допивать в стесненной обстановке. Уже плохо представлялось, за что следует пить.

Глава 2

Сам же Пермяков, находясь в «красной» «хате» Терновского централа, сидел на нарах и пытался осознать все то, что с ним произошло прошлым вечером. Он молчаливо курил сигарету за сигаретой и вертел в руках зажигалку. Словно втыкал штекер в сеть и снова выдергивал, когда понимал несостоятельность очередной версии, соединяющий реальность с мистикой. Ночью он точно таким же образом переключал каналы памяти, пытаясь найти ответ на один-единственный вопрос – по какой такой причине прибывшему на прием Славе Рожину понадобилось подкидывать ему в бумаги на столе конверт с документами на право собственности на дом в Сочи.

Впрочем, вопрос «зачем?» сразу же после ухода Рожина не вставал – в кабинет тут же вошли опер из УБОПа с оператором и понятыми. Идиоту понятно – им позарез нужно было установить юридический факт незаконного нахождения на столе следователя прокуратуры конверта с находящимися в нем бумагами на имя Пермякова.

Первой мыслью было предположение о том, что кто-то до боли в висках не хочет видеть того момента, когда Александр Пермяков усадит свою задницу в кресло заместителя Терновской транспортной прокуратуры. Версия была отброшена сразу же, ведь такой вопрос можно было решить малой

кровью, не запирая кандидата на пост в камере СИЗО.

Когда после грохотания запираемой двери прошел первый шок и Саша успокоился, стало понятно, что Рожин, конверт и оператор с ассистентами – часть сценария по мотивам романа, где главным героем является только что освобожденный из-под стражи Виталий Кусков.

Вот тут-то Пермяков и стал «штекерить» зажигалкой, силясь понять, кому интересно, чтобы он, без пяти минут заместитель прокурора, оказался в компании ублюдочного вида гаишника, следователя РОВД из Ольховки, получившего за «выпрямленное» уголовное дело пятьдесят бройлерных цыплят, опера, по пьяни пристрелившего прохожего, и тучного дядьки, должность которого в миру до сих пор никому не была известна. Камера на восемь человек, заполненная наполовину. Единственное удовольствие, которое испытывали узники Терновского СИЗО, до недавней поры борющиеся с преступностью. В камерах тех, с кем они до недавней поры боролись, картина была кардинально противоположная. В помещениях, предусмотренных для содержания двадцати человек, словно шпроты в банке, дожидались суда или этапа, шутили, спорили, выясняли отношения, ели, спали, одним словом – просто жили от сорока до пятидесяти человек.

Пермяков понял, что нужно успокоиться. Он тысячу раз думал о тех, кого арестовывал, когда за ними захлопывалась дверь камеры. Что за жидкость кипит в этот момент в головах подсудимых? Сейчас выдалась возможность почув-

ствовать это самому.

Сашка стал размышлять о том, как присутствию на столе конверта найти достойное объяснение и закрыть тему. Не прошло и минуты, как он оставил эти мысли. Если кому-то нужно подбросить ему документы в качестве взятки, то это будет делаться так, чтобы потом ни одно из объяснений подозреваемого не нашло своего понимания. Ситуацию можно объяснить, когда совершена ошибка. Здесь же ни о какой ошибке не могло идти речи. Люди очень хорошо знали, что делали.

– Да ты не вешай нос! – просвистел сквозь два выбитых передних зуба гаишник. – Если не при делах, значит, разбе-руца.

К исходу четвертого часа совместного заключения этот славный «король дорог» стал неузнаваемо приветлив...

Итак, Кусков.

Парень из местного криминала, который ровно месяц назад упился до состояния анабиоза и на полном ходу влетел в зеркальный фасад универсама «Центральный». Струге еще два года назад говорил, что однажды это произойдет. Предсказание не сбывалось до тех пор, пока Виталька Кусков по кличке Штука не сходил в ресторан.

И что получилось после этого перелета через хилое ограждение, которое могло остановить лишь велосипедиста? Двое сержантов из вневедомственной охраны клянутся, что Штука отстреливался от них, аки ковбой, и даже умудрился

прострелить оба боковых стекла, не сумев при этом продырявить ни одну вневедомственную голову. Стреляли, как утверждают последние, и они. И этим объясняют сбой в управлении Кусковым авто. Приезжает команда из Центрального РОВД и – о, есть справедливость на земле! – находит в багажнике невменяемого Кускова автомат Калашникова. Взаправдашний, со спиленным прикладом, без десяти патронов. Если верить экспертизе, то без тех десяти патронов, пули от которых засели в теле господина Эфиопа, дело об убийстве которого расследует младший советник юстиции Александр Пермяков.

И вот убийца найден!

Но сразу же появляются вопросы.

Вопрос первый. Убийство Ефикова – не шапочный грабеж. Это вызов. Поводом к Первой мировой войне послужило убийство в Сараеве эрцгерцога Фердинанда. Убийство Ефикова тоже может послужить поводом к началу войны. Криминальной, за передел зон влияния. Иван Сергеевич Эфиоп заправлял в Тернове и области пятнадцать игорными домами. Нечего даже упоминать о том, что платить приходится не только по счетам налоговых инспекторов. Эфиоп – не барыга, а часть структуры, именуемой в учебниках для средних школ милиции «организованной», да еще и «преступной». Сразу после «мочилова» Ефикова город войдет в такой форсаж, что мало не покажется не только самим бандюкам, но и милиции...

И надо же!.. Виталька Кусков, расстреляв на перроне Эфиопа, кладет в багажник своего «Мерседеса» «паленый» «ствол» и едет в кабак! Там напивается, устраивает дебош, рискуя нарваться на вызов милиции, потом едет к проститутке, а уже ночью, когда вероятность быть остановленным и обысканным от резинки трусов до запасного колеса увеличивается в тысячу раз, устраивает с ментами перестрелку. Ну, законченный чудак. Отморозок по пояс. Но только – сверху, если верить показаниям допрошенной проститутки.

Вопрос второй.

Где пресловутый пистолет, из которого Кусков отстреливался от двух краснорожих сержантов?

Вопрос третий.

Где гильзы от пистолета? Менты уверяют, что Штука палил из «ПМ» или «ТТ». Не револьвера, а пистолета, гильзы от патронов которых имеют особенность отражаться из оружия. Тогда где гильзы от «ПМ-ТТ»? Сороки по гнездам растаскали?

Кстати – спутать «ПМ» с «ТТ»? Хм... Это все равно, как если бы до конца не понять, из чего в тебя палили – из гранатомета или системы «град». Для старухи в сберкассе все пушки одинаковы, но это ведь не старухи. Это два милиционера, суммарный стаж работы в милиции которых пятнадцать лет!

Вопрос четвертый. И это не эхо.

Где гильзы от «калашниковова», посредством применения

которого милиционерами был остановлен и перенаправлен с дороги в универмаг Виталька Штука? Те же сороки?

Ответ на оба последних вопроса в виде заключения тра-
сологической экспертизы хранится у Сашки дома. Поняв те-
му, он отнес бумажку домой, не рискуя до поры оглашать
ее содержание. «Не пришли еще результаты», – ответил бы
он, если бы ему задал вопрос о них нынешний, новый проку-
рор. Сейчас же, сидя на нарах, Пермякову становилось ясно,
что он не погорячился, когда прятал заключение, сделанное
добросовестным экспертом. Сейчас будет обязательно най-
ден недобросовестный – тот, у которого трое детей, в квар-
тире однокомнатной тесновато да путевка для больного ре-
бенка которому в санаторий не помешает. Такой в прокура-
туре отыщется очень быстро. И все будет так, как надо. Как
надо тем, кто «приземлил» Сашку на тюрьму.

Однако это будет уже второе заключение. А в первом да-
ны четкие и ясные ответы на все поставленные вопросы.
Стрельба по «Мерседесу» велась с расстояния одного метра
– раз. С такого расстояния сидевшему справа сержанту про-
ще было не автомат свой разряжать, а дотянуться до Кускова
и дать ему по морде. Результат был бы тот же – то взлет, то
посадка, то снег, то дожди... Два переломленных пополам,
стоявших в имбецильных позах манекена и поваленные ря-
ды драповых пальто пошива местной фабрики «Чинар»...

Теперь – второе: два стекла «шестерки» выстрелами из
«ПМ», без остальных видимых повреждений, не выбивают-

ся.

Ну и, конечно, подтверждение того, что из предоставленного на экспертизу автомата (изъятого из багажника автомашины гражданина такого-то) был застрелен гражданин такой-то... Но это тема отдельная, хотя и факт.

Штуку – на нары. Дело – из «темняков» – в «светлые». Осталось отколотить обвинительное заключение и отправлять три тома уголовного дела в Центральный суд. А там... Кто знает, может быть, оно достанется не кому-то, а отдохнувшему в отпуске Струге. И тогда тот сделает то же, что сделал судья Левенец. Из-за чего, собственно, Сашка Пермяков уже двенадцать часов и греет своим задом отшлифованные тысячами преступных задниц нары. Освободит Кускова из-под стражи. Только, в отличие от Левенца, при этом оправдает окончательно и бесповоротно.

Сашка оправдывать права не имеет, но зато ровно через месяц после того, как Кусков был задержан, исследовал дело и отправил в суд по запросу судьи, которому поступило ходатайство адвоката Штуки. После того как судья Левенец из Центрального суда освободил Куска из-под стражи, изменив ему меру пресечения на подписку о невыезде, кто-то, как теперь выясняется, был удивлен гораздо больше самого Виталика, который после оглашения судьей решения еще пять минут стоял и хлопал глазами.

Интересное дело: судья Фирсов из Центрального суда Кускова арестовал, а судья того же суда Левенец на основании

тех же бумаг, лишь с небольшими дополнениями следователя, Кускова освободил. Единство и борьба противоположностей внутри отдельно взятого государства. Почти по Марксу. Можно безошибочно сказать, кто из этих двух судей поступил по совести, а кто – по справедливости. Левенец – выпестованный Антоном Павловичем Струге молодой судья, который дышит со своим наставником одним воздухом. Антон поступил бы так, как велит закон. По мнению самого Пермякова, дальнейшее содержание Кускова под стражей не лезет ни в какие ворота. Если за месяц у следствия не появилось ничего, чтобы привязать Штуку к автомату так же прочно, как автомат привязан к убийству Ефикова, значит, не появится и после. Убийство – заказ. Заключение Кускова в СИЗО – тоже заказ. Струге ненавидит само слово «заказ», при отсутствии веских доказательств и наличии сомнительных результатов экспертиз он освободил бы Кускова незамедлительно. То же самое, только без сослагательного наклонения, сделал Левенец.

Получается, Фирсов поступил по совести. По своей совести. Чего не сделаешь ради хороших людей... Не о Кускове речь, понятно.

Но кто-то не просто хочет, а очень хочет, чтобы вместо реального убийцы Ефикова его место занял Виталька Штука.

Ровно через два дня в кабинете Пермякова появляется некто Пospelов и загоняет мульку о том, что он-де свидетельствует, как однажды, прогуливаясь в четыре часа утра

по проспекту Маяковского, неподалеку от универсама «Центральный»...

Одним словом, остается сожалеть, что Алексей Игнатьевич Пospelов, с его-то привычками оказываться в нужном месте в нужное время, не оказался на заводе, когда Ленин девяносто лет назад падал с броневика. Глядишь, и Фанни Каплан не при делах бы оказалась. Либо о том, что он не прогуливался по 125-й стрит в тот час, когда обалдевший от «Yellow submarine» отморозок палил в Леннона.

«Иду, знаете, по Маяковскому... О вечности думаю... Понимаете, навеяло... Вдруг – бах! бах! Черный «Мерседес», госномер двести двадцать два – как пуля – мимо!.. «Менты, гады, нате, нате!..» Озлоблен водитель, свиреп с виду...» – «Кто свиреп? Кусков? В ночь на шестое июня?» – «Да, Кусков... А следом – сержант Гонов и старший сержант Зелинский... На «шестерке»... «Стой, гад, не уйдешь! За свои преступления отвечать придется!» Та-та-та-та-та!.. Точнее? Сейчас, вспомню... Вот так: та-та!.. Потом: бах! – фьюить! – тресь! – тарарах! Своими глазами видел». – «Точно – своими?» – «Клянусь».

Пораздирал тогда Сашка рот зевотой, но показания запроколировал.

За тринадцать лет писанины ему приходилось писать и скреплять своей подписью и не такое.

«Знаете, он меня не сильно изнасиловал... Так, чуть-чуть. Собственно, вообще не насиловал. Я даже сначала не поняла

– что это...» А зачем заявление писала, если путаешь ощущения с определениями? «Так это я сначала так решила, а потом, когда домой пришла... Такое впечатление, что это мне приснилось. С вами такого никогда не бывает? Что-то приснится, а потом кажется, что это уже где-то было?»

Нет, с Пермяковым такого не случилось. Дева, если у тебя на трусах сперма второй группы крови, то Святой Дух тут ни при чем и ты – не Дева Мария. Анка-прошмандовка с вокзала, пишущая письма в прокуратуру со стабильностью, с которой нормальная дочь должна переписываться с матерью из деревни. А насильник – очередной командированный лох – транзитный пассажир, которого ты сначала пригласила, а сейчас побежала в прокуратуру. Теперь же, когда «ущерб» командированным возмещен, ты опять даешь задний ход.

Кто-то очень хочет, чтобы Виталька Кусков сел за убийство Эфиопа. Только почему – Кусков? Нельзя пониже рангом «торпеду» найти? Лоха зачмуренного, который за «подогрев» на зоне хоть две пятилетки оттянет? Нет, в качестве подставной фигуры должен быть обязательно Кусков! Штука, конечно, не почетный гражданин Тернова, более того – он далеко не положительный герой всех детективных романов, написанных журналистами программы «Криминальный Тернов», однако к расстрелу Ефикова он не причастен. Это очевидно.

Может, и Пермякову, как той рассеянной нимфоманке Анке, плохо разбирающейся в отличиях между насилием и

обоюдным согласием, тоже что-то приснилось?

Например, то, как, едва за дверью скрылась спина Рожина, принесшего в кабинет конверт, да там его и позабывшего, из-за нее показались возбужденные, как при сосредоточенном сексе, лица оперов с видео и понятыми?

Но в последнее время снов он не видит. Проваливается после ужина, ложась на кровать, как в яму. А в семь утра выползает из нее благодаря будильнику, поставленному рядом с кроватью на металлическую ванну и накрытому металлическим же тазом. От этого звонка Пермяков просыпается последним в подъезде. Умывается, поедает с вечера купленную булочку с кофе «Пеле» и садится в собственные «Жигули» пятнадцатой модели, чтобы доехать до прокуратуры.

В какой же все-таки момент он не почувствовал опасность? Наверное, в тот, когда ему сообщили, что приказ о назначении областным прокурором уже подписан. Потерял концентрацию и не почувствовал рядом врага.

И вот они, нары.

Дичь какая...

Первый час Сашка помнил плохо. Расспросы-вопросы сокамерников, отчаяние, близкое к шоку... Ко второму часу начали одолевать мысли о том, что произошло чудовищное недоразумение.

И испарились через десять минут. Это что такое нужно напутать, чтобы родилось такое недоразумение?!

К третьему часу в голове сформировалась глупая идея,

именуемая «синдромом побега». Убежать, а потом доказать, что прав. Потом вдруг пришло в голову, что сценаристы фильмов, где арестованный чудесным образом сбегает из-под усиленной охраны, находят самое простое объяснение тому, почему фильм не заканчивается, не успев начаться. Надели наручники – логично. А вот сам снял – это уже фэнтези, не имеющее к реальной жизни никакого отношения.

И покой пришел сам собой. Вспомнился Вадим Пащенко. Вспомнился Антон. Сашка бы их не бросил...

К окончанию четвертого часа Пермякову надоело смотреть, как гаишник, лежа на верхнем шконаре, катает из хлебного мякиша катыши и движениями Шакила О'Нила забрасывает их в «очко», расположенное в углу. «Король ночных дорог» на протяжении получаса стремился во что бы то ни стало попасть хлебом в парашу.

Сашка вырос в семье, где была одна мать. Отчим со своей «восьмеркой», а потом – с «пятнашкой» и трехкомнатной квартирой, соседей которой следователь теперь ежедневно будил по утрам, – появился позже. Что такое машина в семье, Санька понял в семнадцать. А что такое завтракать по утрам хлебом с чаем, без масла и варенья, он узнал с того самого момента, когда стал себя осознавать. Мать, работая на Капчагайском кирпичном заводе, «приняла» на спину поддон с кирпичами, оторвавшимся от стропил. Ходить потом она могла, но с тех пор они вдвоем – пока Сашка в четырнадцать лет (раньше не принимали) не устроился на хлебозавод помощ-

ником пекаря – жили на ее пенсию по инвалидности. Что-то уходило на лекарства, что-то на еду, казалось – хватало. Но приходилось еще учиться непринужденно вести себя в школе, приходя в аккуратно зашитых брюках, когда одноклассники были в джинсах и батниках.

До тринадцати лет Сашка жил в Казахстане. Поэтому знал цену хлебу и всему, что связано с едой. Даже теперь, когда в его жизни появился достаток, он ничего не мог с собой поделать. Привычка вычищать кусочком хлеба тарелку в прокурорской столовой коробила, наверное, кого-то, однако сам он этого не замечал. Это для него было так же естественно, как из стакана вытрясти в рот ягоды компота. Он помнил те дни, когда в восемь лет приходилось ложиться спать голодным и плакать от непонимания того, почему так получается. Кому-то поведение в столовых могло показаться банальной скупостью или перебором в демонстрации педантичности, но только не Струге с Пашенко.

А этот парнишка со второго этажа бросал и бросал хлеб в парашу...

Бросал и бросал...

Он мешал Сашке думать, и теперь, даже если бы этот человек на его глазах спас мир, в Сашкином отношении к нему уже ничего бы не изменилось.

– Это же хлеб!

– Я знаю. Скорей бы на допрос вывели, что ли...

На этот раз он попал точно в дырку, что подтвердило лип-

кое хлоппанье из угла камеры.

– Способ, которым он тебе доставался, по всей видимости, и является основной причиной твоего присутствия здесь?

Больная тема задета, вопросов нет... А разве не этого хотел добиться Сашка? И добился. Его взору предстало подернутое ненавистью лицо отставного служителя безопасности дорожного движения.

– Ты тут-то не гонорись по-правильному!.. – Сухой плевок с верхних нар под ноги Пермякову. – Не в прокуратуре. Понятно, что не за рвение в службе тебя сюда определили.

– Не за рвение, – согласился Сашка и посмотрел под ноги. Туда, куда должен был упасть плевок, если бы он имел место быть. – «Понятно» ему... Быстро ты к понятиям приучился. Только к странным понятиям. С ними долго здесь не проживешь...

Беседа гаишника затянула. По его скудным представлениям о камерной жизни, оставить собеседника со своим мнением нельзя. Поэтому родилась напрашивающаяся острота.

– Чувствуется опыт. Не первая ходка, что ли?

Пермяков лениво моргнул.

– Люди в доме на пол не плюют и хлеб в унитаз не выбрасывают. Если, конечно, речь о людях идет, а не о скотах...

Дальнейшее произошло быстро. Тучный тип, читающий затертый до ласы тюремный роман без половины страниц, успел лишь положить книгу на живот, но уже через пять

секунд – когда все закончилось – снова углубился в текст. «Цыплячий» следователь предпочитал вообще не участвовать в каких-либо склоках. По ночам он беззвучно плакал, сдавливая лицо, чтобы его не было слышно, а днем безучастным взглядом рассматривал потолок и молчал.

Гаишник соскочил с нар в тот момент, когда Пермяков поднялся и вышел на оперативный простор. Едва в его сторону качнулся торс противника, Сашка без злобы, но сильно двинул ему с правой в скулу. Точнее – хотел в скулу, но любитель баскетбола, отшатнувшись, зачем-то привстал на носки...

Потом добавил. Опять без злобы.

Потом еще раз, чтобы закрепить.

И вот уже семь часов, как хлебом никто не бросается, не матерится, спокойствия не нарушает, не в тему не острит. Остатки хлеба вернулись в «телевизор» к харчам остальных арестантов, а напряженность бывшего милиционера исчезла вместе с его двумя верхними зубами. Резцы были последнее, что гаишник утопил в параше. И вот уже семь часов, как он использует ее по прямому назначению. Только теперь все чаще.

– У тебя почки больные, – сказал гаишнику тучный. – Сообщи адвокату. Иногда помогает.

– Не думаю, что у меня адвокат в урологии силен.

Тучный опять опустил роман на живот и посмотрел на жертву прокурорского произвола поверх очков.

– Я об изменении меры пресечения говорю, мил человек.

Никто не знал, кто такой этот тучный и по какому случаю здесь находится. Ясно было одно: костюм «Адидас» был на нем настоящий. Он брился каждый день, и конвоиры на него никогда не обращали внимания. Даже тогда, когда все вставали, тучный продолжал лежать и читать засаленный роман. А вот Сашке один раз даже досталось палкой. Удовольствие от этого получил лишь гаишник. Конвоир не получил. Он встретился взглядом со следователем и решил более никогда так не поступать с этим крепким мужиком, от которого почему-то не пахло камерой, словно не прижился. Аромат «крытки» впитывается в арестанта с первой минуты и с этого момента становится неотъемлемым признаком, позволяющим конвою распознавать «своих» от «чужих».

А от этого прокурорского следака пахло свободой и мылом «Фа» тучного. Нет, не прижился...

И конвоир, мгновенно потеряв к Сашке интерес, поспешил отвести глаза.

Но где же Вадим?..

Уже девять утра. В этой камере Сашка уже семнадцать часов. Ровно в шестнадцать часов пятнадцать минут прошлого дня судья Центрального суда по фамилии Марин подписался под своим решением лишить Пермякова свободы на десять суток. Следователь знал, что будет происходить эти десять дней. Допросы, допросы, допросы, чередующиеся с шантажом, угрозами и угрозами... Ему ли это не знать?

Он с усмешкой подумал о том, что, если бы выпускников юрфака, подобно студентам медицинского, которым устраивают частые экскурсии в морг, запирали бы на десять суток в СИЗО, может быть, что-то в их воззрениях и изменилось бы. Может, и вели бы себя по-другому – больше понимали чувства подсудимых, знали наверняка, что делают...

Сашка на экскурсии. Разница со стажировкой лишь в том, что эта экскурсия может закончиться не через девять оставшихся суток, а через лет семь-восемь. Если дело попадет к судье, подобному Марину, так оно и будет. Этому для ареста следователя хватило липовых бумаг, тому хватит липового обвинительного заключения.

Но где же Вадим со Струге?..

Глава 3

Войдя в суд, Антон Павлович заметил необычное оживление на первом этаже. Вот-вот из СИЗО должны были привезти подсудимых, ожидающих этого часа, как манны небесной. Двое судебных приставов скучали, лениво рассматривая толпу перед собой. Чьих-то мам, пап, родственников и друзей они наблюдают в девять часов утра ежедневно. Подъедет автозак к тыльному входу, они тут же перекроют проход, и уже из-за их спин прибывшие будут рассматривать лица тех, кого привезли из тюрьмы. Ради этих трех-четырех секунд, за которые можно крикнуть «Держись, Серега!», тихонько подвыть или просто помахать рукой, они здесь и стоят. Короткие резкие щелчки запираемой двери караульного помещения – и толпа начинает подниматься наверх, на второй этаж. Через сорок минут – час подсудимых разведут по залам заседания, и можно будет наглядеться на них вволю. Наглядеться так, что все присутствующие перестанут понимать реальность происходящего. Решетка, разделяющая подсудимых и зал заседаний, словно растворится, и будет казаться, что вот-вот недоразумение будет устранено и можно будет взять подсудимых за руки и увести из этого серьезного заведения домой.

Прозрение наступит, когда за руки из залов заседаний подсудимых выведут не мамы, папы и знакомые, а конвой.

И все начнется сначала...

Можно не стоять на проходе – через час можно будет наглядеться вволю, но люди стоят. Так они посмотрят на прибывших на три-четыре секунды больше.

Антон Павлович, несмотря на жесты приставов – «Проходите, пожалуйста...», – терпеливо дождался, пока проход наверх станет свободным для всех. Струге знает цену трех-четырёх секунд, поэтому никогда не позволит себе сделать так, чтобы вместо лиц близких собравшиеся в холле лицезрели его широкую спину.

Жаль, что об этом не думает судья Марин, вошедший в суд первым. Мало того что он воспользовался учтивостью приставов, он еще и задержался около них, пытаясь выяснить, почему вчера в его кабинете бушевал гражданин. Тот бушевал, а судья целую минуту не мог вызвать человека в форме.

– Камельков!.. Свиноаренко!.. Баюн!.. Вылежанин!.. – выкрикивает конвойный.

Люди в темных одеждах спрыгивают с подножки автозака и бегом, стараясь не поднимать головы, забегают в суд. Три-четыре секунды их видно, пока они забегают в коридор, преодолевают по нему четыре метра до входа в подвал и скрываются там.

Пытаясь вынырнуть из-за спины Марина, свидетели, родственники и друзья бегунов ищут знакомые лица.

Но спина Марина не уже, чем у Струге. Поэтому как сле-

дует можно рассмотреть лишь ноги и макушки коротко стриженных затылков.

– Вон он, Серега! – толкает стоящего рядом братка № 1 браток № 2. – Его кроссы! Мы с ним в «Найке» полгода назад вместе брали...

– Сына, мы здесь!..

Сегодня толпе не повезло: какой-то мужик в сером костюме и очках перекрыл весь коридор.

Погудев, толпа расходится. Кто-то – из нетерпеливых – поднимается вверх, предчувствуя, что им не хватит стульев. Те, что опытнее, на ходу вынимая сигареты и папиросы, следуют на улицу. До процесса минимум полчаса, а такого случая, чтобы кому-то в Центральном суде не хватило стульев, на их памяти не случалось.

Струге тоже идет вверх. В свой кабинет, в котором его уже наверняка ждет Алиса. Ждут на столе разложенные секретарем дела, назначенные на сегодня, краткий доклад о ситуации в суде (не секрет, что секретари знают это лучше судей) и кружка горячего кофе. Антон никогда не просит делать второго и последнего – его интересует лишь порядок в толстых папках, но секретарь на то и секретарь, чтобы лучше судьи знать, что судье нужно.

Весь путь от дома до суда Антон Павлович несет в одной руке пиджак, а в другой – порезанный в прошлом году дрожащей наркоманской рукой портфель. Перед судом он пиджак надевает. Дело не в чрезмерной строгости, а в баналь-

ном приличия. Белая сорочка настолько тонка, что не заметить на левом плече судьи наколку в виде головы тигра и буквами «ПВ» может только слепой. А объяснять каждому встречному в Центральном суде, что это не зоновская тату «Загрызу администрацию», а память о службе в погранвойсках...

– Антон Павлович, доброе утро! Вчера вечером... Сегодня утром... Завтра будет...

– Потом, Алиса, потом. Дела готовы?

– Да.

– Хорошо. Я сейчас вернусь.

Судья опустил на свое кресло портфель, застегнул на пиджаке верхнюю пуговицу и вышел из кабинета.

Владимир Викторович Марин пришел в Центральный суд несколько лет назад. Он так и говорит, когда заходит об этом речь: «Я работаю в суде заместителем председателя вот уже несколько лет и...» И дальше по тексту, по необходимости.

И его все понимают. Понимают, потому что формально он прав. Он действительно работает в Центральном суде несколько лет и действительно в должности заместителя председателя. Но свою фразу он может произносить с легкостью лишь за пределами этого суда. Проблема в том, что в этом суде все знают, что судьей Марин работает два года, а в должности председателя – три месяца. Как известно, два преступника – это уже организованная группа. Соответ-

ственно, два года – не один. То есть – уже несколько. А кто за стенами суда будет разбираться, сколько из этих нескольких лет Марин работает в должности зампреда?

Причина такой стремительности в реализации задуманного кроется не в гениальности Владимира Викторовича и не в его паранормальных особенностях выносить приговоры по сложным делам во время одной выкуренной трубки. До Шерлока Холмса, как и до просто порядочного человека, Владимиру Викторовичу далеко. Зато у него есть другие способности. Одна из таких – точное выполнение задач, поставленных руководством. Руководство для Марина – председатель областного суда Игорь Матвеевич Лукин, а дальше – по ниспадающей: председатель квалификационной коллегии, председатель совета судей, председатель Центрального суда... Впрочем, на последних можно не обращать внимания, если у тебя все в порядке с Игорем Матвеевичем.

Проблема лишь в том, что при отправлении правосудия у судьи не может быть руководителя.

Было странно и не совсем приятно видеть, как покрасневший от неудобства Николаев – председатель Центрального суда – три месяца назад, на совещании, сиплым голосом говорил: «Владимир Викторович, он человек внимательный, старательный... Вдумчивый... В общем, достойный. Он назначен моим заместителем по рассмотрению уголовных дел. Так что прошу любить и жаловать...»

Мерзко было не потому, что Николаев стыдился того, что

говорил об уже свершившемся факте. Гадко становилось от того, что Марин – человек, прибившийся к коллективу два года назад, – сидел, словно лягушка, надутая через задницу посредством соломины, и удовлетворенно жевал губами.

Покраснеть бы ему да вымолвить: «Что вы, Виктор Аркадьевич... Зачем вы меня так, перед судьями?.. Я же сопляк еще, хоть и тридцать пять мне... И судей вы зачем так?... Они, что ли, не вдумчивые, по семь-восемь-девять лет отпахавшие? Или Струге не настолько внимательный и старательный, чтобы, отсудив червонец лет, замом не стать?»

Все ждали этого ради очистки совести самого Владимира Викторовича. Пусть вопрос уже давно решен наверху, но ради приличия-то?..

Не дождались. Клал на вас на всех Владимир Викторович с прибором. На ваши семь-восемь лет вместе с вашей внимательностью, опытом и вдумчивостью.

А мог бы боднуться и отказаться. Фамилия Марина, несмотря на скромный стаж службы, звенела в ушах каждого судьи из кассационной инстанции в областном суде. То принудительный привод свидетелю по гражданскому делу организует, то воришку, обнесшего квартиру в девяносто третьем, по новому УК осудит... Было. А год назад дал ознакомиться подсудимому с делом. Только не как у людей – в установленном законом порядке, – а в камере. Через час подсудимого с заворотом кишок увезли в больницу, а Владимиру Викторовичу три часа на ближайшей квалификационной

коллегии мозги парили – по своей воле или с ведома судьи подсудимый сожрал явку с повинной, два протокола допроса, протокол обыска, осмотра, опознания и два из трех заключения экспертиз? Было, было...

А так – ничего. Вдумчивый и старательный. Скорее всего именно по причине сверхъестественной старательности он Лукину и приглянулся. Если в отношении судей Центрального суда, по предписанию Николаева, служебные проверки Владимир Викторович и проводил, то потом, читая их результаты, бледнел даже сам Николаев.

Пишет какой-то мудака с улицы Заболотной: «Меня судья оскорбила матом и вытолкала за дверь».

Как так – мудака?! Гражданин! И Марин берет вилы в руки.

Потом выясняется, что не гражданин вовсе, а – правильно – мудака. Потому что, оказывается, жалуется стабильно, два раза в месяц. Все потому, что дважды в месяц «искует» на соседей, заявляя, что они облучают его синхрофазотронами и другими приладами, от которых жизнь его становится просто невыносимой. Волосы выпадают, ногти крошатся, член не стоит, голова качается. Подает жалобы на продавцов в магазинах, на работодателей, побоявшихся принять его на работу, на хозяев собак, чьи животные, завидев будущего истца, начинают пускать пену и рваться с поводка, на ЖЭУ и одномандатного депутата, приказавшего охране спустить его с лестницы. Трижды – в разных судах – бросал в лицо отка-

завшим ему в исках судьям толченый аспирин, заявляя, что это споры сибирской язвы. У двух женщин-судей истерика, одну откачивали в реанимации.

Правда, все это уже потом выясняется. После того как Владимир Викторович, подойдя к делу со всей старательностью, признает жалобу гражданина на судью обоснованной, о чем и сообщает в результатах служебной проверки. И ждет ту судью... О-о-о, что ее ждет... Эту женщину – ростом один метр и пятьдесят три сантиметра, с двумя высшими образованиями, первое из которых – филологическое, ту самую, которая обматерила гражданина и с силой вытолкала за дверь, – ждет квалификационная коллегия, полностью подвластная Лукину. А там – как карты лягут. Казнить в Терновском областном суде могут по-разному. От дисциплинарного взыскания до лишения полномочий. В зависимости от того, в каких отношениях судья находится с Лукиным. Не перечила ли когда, не буянила, не задавала ли откровенных вопросов на совещаниях, когда «москвичи» приезжали?..

Нужно ежедневник полистать. У Игоря Матвеевича, как у опытного организатора, все ходы записаны. Если не помнишь, что сказал второго июля тысяча девятьсот девяносто девятого года – на конференции, посвященной пятидесятой годовщине Терновского областного суда, – он тебе напомнит. Память тренировать нужно, товарищи...

Затем и проводятся служебные проверки в судах. Потому и проводят их Владимиры Викторовичи. Так что в чем-то

все-таки прав Марин. Не стоит мерзавцев среди граждан искать, ибо мерзавец ведаёт, что творит, а граждане – нет.

«Заместитель Центрального федерального районного суда». Лучшая, пожалуй, табличка в этом суде. Бронзовая. У Струге она – бумажный лист формата А4 с принтерным почерком-курсивом поверх мертвенной белизны. Несерьезный он человек, этот Струге...

Антон коротко постучал и тут же толкнул дверь. Три-четыре секунды ожидания для Марина – все равно не срок.

Здороваться смысла не было – эти двое ограничились кивками головы перед крыльцом.

Ожидая, пока Марин расчешет свои каштановые волосы перед зеркалом, Струге отошел к окну. Вопросов по поводу прибытия не последовало, потому что дураку ясно – если Струге приходит, то не для того, чтобы посмотреть на улицу через стекло хозяина кабинета.

Владимир Викторович прошел за стол и, вытирая с очков уличную пыль, вопросительно уставился на крепкую спину судьи.

– Вы вчера Пермякова арестовали.

Это был не вопрос, поэтому Марин и ответил так, как должен был ответить на утверждение:

– Я помню.

Больше всего заместителя председателя суда коробило то, что Струге обращался, стоя к собеседнику спиной. Но вот, кажется, он решил это исправить...

– За что? – Антон приблизился к коллеге.

– Уж не отчета ли вы от меня требуете?

– Нет, конечно.

Антон прошел к столу и сел на место, обычно занимаемое в процессах Марина адвокатом. С этого момента он, даже не подозревая об этом, наградил себя соответствующей ролью со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Я спрашиваю, потому что Пермяков – друг... одного моего знакомого.

Сказал – и испугался. Впервые в жизни он назвал Сашку другом. Другом для Струге всегда был Пащенко, а, по убеждению судьи, двух друзей быть не может. Товарищей – да. А вот друг – всегда один. Сорвался, сделал акцент на знакомого. Но это – для Марина, а обмануть с такой же легкостью себя не получилось.

– Ну и что? – вяло пожал плечами Марин.

– Ничего... И что ему инкриминируют сотрудники милиции?

– Взятку, Антон Павлович. Что еще можно инкриминировать следователю прокуратуры? Либо злоупотребление служебными полномочиями. У них две беды. Жить сладко хотят все, а получается не у многих. – Усмехнулся. – Недостаток профессионального образования. Так и передайте своему знакомому.

– Да-а... – Струге встал со стула и подошел к окну. – Недостаток профессионального образования многого стоит. Тон-

ко подмечено.

Вместо удовлетворения, которое логично должно было последовать сразу после этой фразы из уст самого неуправляемого судьи в Тернове, Владимир Викторович почувствовал легкую тревогу. Хотя, чего волноваться? Кто такой ему Струге? Такой же судья.

– И с доказательствами все в порядке?

– Все в порядке.

– И со свидетелями?

– И со свидетелями.

– И с потерпевшим. – На этот раз Струге опять не спрашивал. Он опять утверждал. – Значит, Александр Пермяков сорвался с цепи, как алкаш с завязки, и стал взятки хавать? Да, дела...

– Что-то не пойму я вас, Антон Павлович... – Чтобы занять руки, Марин принялся развинчивать и завинчивать колпачок на «Паркере» – подарке адвоката Волохова. – Вроде прояснили тему, а все равно покоя обрести не можете.

– Нет, тему я еще не прояснил. – Струге снова вернулся к столу. – А вы – мужественный человек, Владимир Викторович! Арестовать заместителя транспортного прокурора на основании заявления дважды судимого по прокурорскому следствию потерпевшего и конверта, лежащего не в кармане подозреваемого, не в ящике стола, а среди бумаг на столе. Это не слабо, Владимир Викторович. Мужественный поступок, если учесть, что больше никакой доказухи нет. Кто же

вас так убедил?

– Бросьте! – Марина слегка перекосило. Кажется, он ненавидел взяточников. – У этого, как вы говорите, зампрокурора трехкомнатная квартира в центре города и свежая модель «Жигулей»! Не какая-то «шестерка», а «пятнадцатая»! Не слишком ли дерзновенно для зарплаты в семь с половиной тысяч рублей? Я, к примеру, даже «шестерки» взять не могу пока, а «пятнашку» люди берут только от того, что на «девятке» стыдно ездить!

– Да, пока...

– Что – пока? Почему следователь может себе такие вещи позволить, а я, чья зарплата в два раза больше, нет? И квартира у меня не в центре города! И не трехкомнатная.

– Вот, оказывается, что явилось основной причиной удовлетворения просьбы бродяг из УБОПа?

– Не нужно передергивать! – вспыхнул Марин. – Вы даете отчет, с кем разговариваете?

– ...Что у парня квартира просторная, машина навороченная. Фигура спортивного сложения, взгляд непробиваемый... Кстати, я очень хорошо понимаю, с кем разговариваю.

– Струге, я должен попросить вас уйти.

– А может, – продолжал Антон, – менты здесь не при делах? Может, это Лукин перед вами «гречку перебирал»? Это – в кастрюльку, это – в ведро...

В кабинет с кипой дел под мышкой и улыбкой на лице

ворвалась секретарь Таня.

– Выйди, Татьяна, – попросил Антон.

Улыбку девушка стереть не успела, поэтому взгляд, брошенный на Марина, был удивленно-растерянно-веселым.

А тот вспыхнул таким свекольным цветом, что, казалось, каждый уголок его кабинета озарился багровым рассветом.

– Что это вы здесь распоряжаетесь?! Вы обнаглели окончательно, Струге?!!

Таня очень хорошо разбиралась в традициях Центрального суда и его иерархической лестнице, поэтому... быстро вышла.

– Не кричите, эта девочка очень впечатлительный человек, – попросил Марина Антон. – Я хочу кое-что вам сказать, судья.

Подойдя к столу, за которым сидел готовый разорваться гранатой Марин, Антон Павлович уперся руками в столешницу.

– Может быть, хоть одного добыюсь – уснуть сегодня не сможете. А я знаю, что не сможете. Не по причине угрызений совести – она-то тут при чем? – а просто от того, что вам нахамили. Нахамили, а вы ответить не смогли. Лишь слабенкой ручкой в сторону двери обидчику махали. Мы-то с вами знаем, как это унижительно – ручкой на дверь махать, когда мужества для достойного отпора не хватает! Никаких оправданий за всю ночь не найдешь, правда? Найти основания для заведомо незаконной посадки следователя прокуратуры на

нары смогли, а встать и вытолкать хама за дверь – нет...

– Струге, мы в суде!..

– Вот именно. Поэтому я и отправил девчонку за дверь! Чтобы она не знала, что ее судья иногда забывает, что он в суде! Вы арестовали и отправили в тюрьму мужика, который ломал в девяносто седьмом банду Смирнова, вырезавшего полвагона поезда Владивосток – Москва! Вы, вместе с такими же мужественными ментами, надели наручники на человека, награжденного орденом Мужества! Не на войне, а тут, в гребаном Тернове!.. За то, что полгода назад лично задерживал авторитета Гурона! На шконаре сейчас дышит парашей мужик, из легкого которого четыре с половиной часа хирурги вырезали пулю!.. Марин, Марин... Два года назад Пермякову давали двадцать тысяч долларов лишь за то, чтобы он с воли передал подследственному малявку в три слова. В ней было написано: «Потерпи до понедельника!» Марин, что стоило Пермякову потерпеть всего одну секунду?! Все равно никто бы не узнал! Не стал ведь, гад, взяточник... Не передал записку, сука...

– Два года назад... – Владимир Викторович действительно понимал, что уснуть – по крайней мере сегодня – не удастся. Потому что не удастся справиться со Струге.

Когда не можешь ответить, всегда нужно ссылаться на то, что ты – в суде. Это основная причина, из-за которой нельзя быть мужчиной. Иногда удобнее быть судьей, чем мужчиной. Нет ничего лучше, чем быть судьей. Звание судьи ино-

гда обоснованно исключает половые признаки.

– Два года... – скривился он, давая понять, что за это время меняются не только люди, но и мир.

– Что, срок большой? Два года назад вы юрисконсульствовали на заводе. Или память отшибло так, что биографию забываете? Хочется забыть, да не можется? Вы были юрисконсультом, Марин! А я десять лет назад был следователем прокуратуры. И мой кабинет был соседним с Сашкой Пермяковым! А вот он очень хорошо помнит свою историю.

– А-а-а... – понял Марин. – «Один мой знакомый попросил»... Так вот вы за кого хлопчете!..

– Да, Марин! Да! – Антону стало ясно, что человек напротив него из всего сказанного не понял ровным счетом ничего. – За друга своего, за тридцативосьмилетнего мужика по фамилии Пермяков. За человека, которого знаю двадцать шесть лет. А знаете, Марин, почему у Пермякова есть «пятнашка», а у вас нет?

Антон устало оперся на стул. Можно было уйти прямо сейчас, поняв, что тема непробиваема, но он снова вспомнил о чьей-то бессонной ночи и махании рукой в сторону двери. Если уж разговор был начат, то его следовало закончить.

– Когда на мать Пермякова упал поддон с кирпичами, Сашке было почти столько же, сколько вы работаете в суде. Отец у него, понятно, был, но его никогда не было. Когда мать познакомилась с его будущим отчимом, они уже четыре года жили в Тернове, переехав из Казахстана. А потом ма-

тери не стало, он остался с отчимом. Хороший мужик, пиво нам иногда покупал... Перед армией... Но это было потом! А до того момента, как появился отчим, Сашка понятия не имел, что такое мясо каждый день и своя машина. Он с четырнадцати лет работал. То на хлебзаводе мешки с мукой таскал, то на железнодорожной станции... Вагоны разгружал. – Струге сглотнул. – С четырнадцати лет до семнадцати, Марин! Когда он в мой двор попал, у него даже варёжек не было. А вот квартира и машина была отчима, и все это у арестанта волей твоею сейчас есть по той простой причине, что умер и отчим. Повезло подлецу-взяточнику Пермякову, правда?! Не бог весть какие признаки честности для тридцативосьмилетнего мужика, но это так... На всякий случай, для общей картины. Ты совершил очень большую ошибку, Владимир Викторович. Очень большую. И за это придется ответить. Ну, да ладно, Марин. У тебя народу за дверями – не пробиться. Бывай.

Склонившись к урне Владимира Викторовича, Антон Павлович длинно сплюнул, развернулся и направился к выходу.

– Я вам очень скоро обязательно напомню об этом разговоре, Струге.

– Правда?.. – Антон удивился так, что у него окаменели губы. – А я разве сказал вам о том, что собираюсь его забыть?

Распахнув дверь, он вышел в коридор. Закрывать за собой дверь Струге не собирался. Она так и осталась распах-

нотой, похожая на незавершенный процесс, отложенный на неопределенный срок.

Глава 4

Вы когда-нибудь видели закат на берегу Терновки?

Скорее всего нет, потому что в этом случае это было бы последнее, что вы видели, и ни за что не стали бы свидетелем того, что произошло в Тернове на следующее утро. Дело в том, что берега Терновки в городской зоне совершенно не приспособлены ни для купания, ни для рыбалки, а восхищаться темнеющими в красных лучах солнца проржавевшими баржами и отмелями, заполненными автомобильными крышками и металлическим ломом, может только решительно настроенный дегенерат. Более-менее приличное место, свободное от свалки отходов, находится в районе речного вокзала, но там не найдешь уединения.

Однако, возвращаясь к тому предположению, что кто-то все-таки мог стать свидетелем ярких бликов на воде и не дожидаясь рассвета, следует объяснить, что свалка – она на то и свалка, чтобы на ней что-нибудь сваливать. Лучшего места в Тернове, чтобы сваливать ненужные трупы с атлетическими гириями на ногах, не найти. Штата всего областного управления милиции не хватит на то, чтобы ежедневно, точнее – ежевечерне оцеплять берега для предотвращения незаконного выброса неопознанных тел. Иногда, правда, тралят...

Это что-то из области «Вихря-антитеррора» или «Перехвата». Раз в месяц начальник областного ГУВД издает при-

каз, и дно неглубокой в прибрежной зоне Терновки начинает чесать рыбачий траулер с разметанными в стороны «кошками». Иногда «спиннингистам» прет удача, и они выуживают крупные трофеи – прошлым месяцем, к примеру, директора «Гамма-банка», а в конце апреля – лидера организованной преступной группировки Хасим Гамиль оглы. Но больше все мелочь клюет: «шестерки» из кланов донов Локомотива и Витальки Штуки. Чаше «кошки» вообще пустыми приходят: то барыга с терновского рынка с рессорой от «КаМАЗа» в обнимку, то залетный беспредельщик из Кемерова с ногами, застрявшими в тазике с бетоном. Хоть обратно сети вытряхивай.

К утру восьмого июня 2003 года началась очередная спецоперация по зачистке дна Терновки. За год подобных мероприятий у сотрудников, занимающихся этим малоприятным делом, уже четко сформулировалось понимание того, где отлов результаты принести может, а где этим делом заниматься просто бесполезно. Обычно успех обеспечен, если катер ходит вдоль берегов, на которых явно просматривается возможность подъезда транспортных средств, – раз. Омуты – два. Места, где невозможен проход катера с «кошками», – три. Бандиты, они тоже не дураки и за милицейской путинкой наблюдают не из праздного интереса. Им очень хорошо известно, где нужно сбрасывать груз, чтобы блюстители порядка нашли его через пять дней, где – через месяц, а где – не нашли вовсе. Однако на этот раз терновские гангстеры

совершили ошибку. Как всегда, упустили из виду тот факт, что милиционеры – они тоже люди и в их настроении бывают спады и подъемы. Сброшенный прошлой ночью в район непроходимых коряг труп дотошные менты нашли через час после начала поисков. Вопреки гангстерским надеждам на то, что именно этот труп не найдет никто и никогда.

Впервые в жизни сотрудники водной милиции, или, как их еще называют, «водомуты», проявили недюжинную смекалку и рвение в таком, кажущемся на первый взгляд бесперспективным, деле. Возвращаясь к вопросу спадов и подъемов, необходимо отметить, что у начальника областного ГУВД в то утро, по всей видимости, был спад и отвратительное настроение. Иначе на катере ни за что не появились бы водолазы.

Наблюдающий за тем, как двое крепких мужиков на борту катера надевают на ноги ласты, человек Локомотива Игорь Ферापонтов по кличке Сорока убрал от глаз окуляры бинокля и подобрал ноги на капот припаркованного на опушке прибрежного леса «Вольво».

– Эт-то что, блин, такое?

– Че там? – лениво приоткрыв глаза, поинтересовался дремлющий внутри машины напарник.

– На ментовском «титанике» какие-то голые негры ласты на ноги натягивают, – брызнув от изумления слюной, возмутился Сорока. – Они что, оборзели уже до того, что самим в падлу в воду лезть?!

Заинтригованный таким ходом событий Вова Грошев по кличке Подлиза вытянул из-за руля огромный живот, подошел к Сороке и вырвал у него бинокль. Проанализировав за секунду обстановку, он разочарованно вздохнул и ткнул бинокль в грудь подельника.

– Лох, – констатировал он, презрительно глядя в глаза собеседнику. – Это водолазы в комбинезонах.

Однако насторожился и, вернувшись в машину, уточнил:

– *Наш* где лежит?

– В ста метрах от катера... Ну, короче, не там, куда сейчас эти тюлени прыгнули.

Подлиза зевнул и успокоился. Локомотив, в очередной раз предупрежденный о рейде, велел им присутствовать на зачистке до самого ее окончания. Так было уже не раз. В прошлом месяце Яша велел сидеть на берегу и следить за тем, кого милиция выудит на этот раз. Было важно, чтобы в ближайшие несколько дней «водомуты» не обнаружили на дне «командированного» для запугивания из столицы дерзкого, похожего на хорька магометанина. За неделю от его имени братва Локомотива наделает в Новосибирске дел, так что москвичи не станут искать его в Тернове. Пусть разбираются с новосибирскими. А за эту неделю сомы и окуни сделают с «хорьком» то, из-за чего потом невозможно будет определить не только национальность «командированного», но и пол.

– Вова, Вова! – скороговоркой, за что и получил погоняло,

протрещал Сорока. – Негры в комбинезонах жмура на борт поднимают!

Подлизе опять пришлось тащить из-за руля живот.

На этот раз, прижав к глазам окуляры, он вынужден был согласиться с тем, что Сорока прав. Двое амбалов в блестящих от воды костюмах заталкивали на низкий борт человеческое тело. Сначала выволокли на палубу труп, потом около двух метров веревки и только потом с трудом вытянули металлический панцирь кроватной сетки.

– Не может быть, – не веря глазам, пробормотал Подлиза. – Как его туда занесло? Течением, что ли?! Ну-ка, звони Локо...

Звонок раздался в половине девятого. Дотянувшись до телефона, он отвел взгляд от настенных часов и прижал трубку к уху.

– Пашенко, слушаю.

– Это я, Вадим Андреевич, – раздался голос старшего следователя по особо важным делам Быкова. – Милиция в Земском бору опять чистку дна устроила и десять минут назад выловила свеженький труп.

– Что значит – свеженький? – уточнил зампрокурора.

Пришлось объяснять не до конца проснувшемуся начальнику, что первичный осмотр тела указал на не более чем двухчасовое нахождение его в воде. Однако тут Быков, еще не привыкший к кованым повадкам нового заместителя об-

ластного прокурора, ошибался. Вадим Пашенко окончательно просыпался и был готов к работе в тот момент, когда открывал после сна глаза. Расшатывая воображение подчиненного, говорившего банальные вещи, и заставляя его повторяться или опускаться до разъяснений, он быстро просчитывал свои дальнейшие ходы. И в те секунды, пока Быков терпеливо рассказывал о состоянии кожного покрова потерпевшего, о нетронутых рыбами глазах, о еще сочащемся ножевом ранении под левой лопаткой, Вадим уже знал, что делает сразу после того, как Быков закончит говорить.

– Сергей Владимирович... Сергей Владимирович, достаточно. Тело вынести на берег, силами райотдела организовать оцепление. Напротив обнаружения тела – на грунте – произвести тщательный осмотр на предмет обнаружения следов транспорта и прочего. Дайте команду водолазам на доскональный осмотр дна в радиусе пятидесяти метров от места нахождения трупа. Сейчас я доложу прокурору и вместе со следователем прибуду на место.

Теперь Быкову оставалось только удивляться мгновенной, профессиональной реакции Пашенко на сообщение. Все дело в школе, в которых обучаются те или иные начальники...

Еще вчера вечером Вадим говорил со Струге о том, что неплохо было бы попросить Земцова, вечного должника по жизни и их общим делам в области вершения правосудия, а по совместительству – начальника отдела УБОП по борьбе с бандитизмом, пощупать взяточдателя Славу Рожина на

предмет членства в стане лидеров организованных преступных групп. Пощупать, определить ареал жизнедеятельности да заодно порасспросить, зачем ему, Славе, понадобилось вкладывать конверт с документами на дом в бумаги Пермякова на его столе.

Земцов, знавший своего тезку Пермякова не хуже Струге и Пащенко, после ареста следователя сначала, что свойственно всем осторожным, занимающим щепетильный пост личностям, замкнулся и убыл из поля зрения. Потом объявился и сообщил Пащенко, что мнение своих коллег о моральном облике Александра Пермякова не разделяет. По всей видимости, короткое исчезновение из зоны видимости ему понадобилось, чтобы выяснить подробности дела и последовательность проведенных оперативных мероприятий. Последовательность и законность. Этим Земцов и отличался от Струге и Пащенко. В отличие от последних, сообщение об аресте Пермякова его в состояние оцепенения не ввело.

Так вот, о Рожине. Речь о нем шла еще вчера ночью. Точнее будет сказать – сегодня ночью, потому что Пащенко уехал от Струге в начале первого. И вот теперь заместитель областного прокурора, собиравшийся «щупать», мог это сделать прямо сейчас. Для этого ему нужно было только наклониться и протянуть руку.

Вячеслав Петрович Рожин лежал под его ногами. Вид его был странен до крайности. Джинсы «Riefler», серая майка с эмблемой испанского королевского клуба, на левой ноге –

кроссовка «Puma». Вторую уже нашли, она лежала чуть поодаль от трупа. Вместо нее к правой ноге была пришнурована веревка – обрезок автомобильного троса, – которая заканчивалась рамой кровати с панцирной сеткой.

– Личность пока не установили, – сообщил из-за спины Быков.

– Устанавливайте, – открывая перед криминалистом дверь для проявления его лучших качеств, велел Пашенко.

Самому ему устанавливать личность покойника было излишним. За сутки после ареста Пермякова он налюбовался на фотографию Рожина вволю. Вячеслав Петрович имел глупость быть задержанным в восемьдесят восьмом году за мелкую кражу промышленного серебра на заводе, после чего два года своей жизни посвятил шитью рукавичек-«верхонок» в колонии общего режима № 2 города Новосибирска. Потом была еще одна ходка, и им опять занималась прокуратура. И – опять шитье.

Известным кутюрье Рожин впоследствии так и не стал, зато прославился чудовищной подлостью в деле посадки на нары честного прокурорского работника.

Отойдя к лесу, Пашенко вынул из кармана телефон и набрал номер, который мог набрать даже в полной темноте.

– Антон... Антон, я знаю, что у тебя процесс. В смысле, не знаю, но догадываюсь. Тут вот какое дело... – Обернувшись и не обнаружив подле себя вездесущего Быкова, он чуть понизил голос. – Полчаса назад в Терновке выловили труп Ро-

жина.

В ответ донесся лишь короткий выдох.

– Я тебе перезвоню, – после паузы сказал судья и выключил связь.

Не успел Вадим спрятать телефон, как в кармане раздалась известная всей транспортной прокуратуре мелодия «Польки-бабочки».

АОН высвечивал на табло номер, который полминуты назад набирал Пащенко.

– Ты уверен? – донесся до него спокойный голос Струге.

Можно было подумать, что разговор и не прекращался.

– Абсолютно. В спине – ножевое, несовместимое с жизнью; в глазах – недопонимание, совместимое с глупостью. К ноге привязана кровать.

– Что привязано?

Пащенко поморщился.

– Ты, Антон, лучше потом перезвони, ладно?

Вадим снова вернул телефон на место и обернулся в сторону Быкова, который просил заместителя прокурора немедленно приблизиться к месту, где он стоял. Точнее – сидел, потому что Быков склонялся к песку в позе, которую обычно принимают ботаники, обнаружившие посреди сибирской степи орхидею.

– Что? – выдохнул Вадим, занимая напротив криминалиста симметричное положение.

– Вот. – Сергей Владимирович указал пальцем на сверка-

юще посреди серого песка пятнышко.

Этим «вот» оказался зуб, именуемый у стоматологов клыком. В любом другом случае можно было бы предположить, что это костное окаменение принадлежит не только человеку, но и волку. Собаке, на худой конец. Но ни Пащенко, ни Быков ни разу не видели собаку с золотой фиксой в пасти, а потому все побочные предположения потеряли смысл, не успев его обрести.

– Это зуб, – сказал Быков. Секунду помедлил, скользнул по начальнику взглядом и повторил: – Зуб.

– Я не дурак, – заметил Пащенко и поднял на него глаза. – И я не глухой дурак. Сходите, Сергей Владимирович, к трупу и еще раз осмотрите его на предмет наличия других телесных повреждений. Золотые зубы просто так, во время разговора, изо рта не вылетают. Но даже если вылетают, то их, как правило, поднимают. Не подбирают только тогда, когда искать невозможно или нет на это времени.

Быков вернулся через минуту.

– Во рту трупа все зубы на месте.

Жалко, что рядом нет судьи, жалко, что нет Сашки Пермякова... Эти двое в рот покойному вряд ли бы полезли. Но для того, чтобы понять, о чем только что просил Пащенко, нужно закончить одну с ним школу. Быков, по всей видимости, учился в другой.

Вадим поднялся, прикурил сигарету и подошел к трупу. Перевернул его левую кисть. Опустил на песок. Перевернул

и поднял правую. На казанке среднего пальца виднелся свежий, расквашенный от воды шрам. Бросил.

– Быков, знаете, чем стоматолог отличается от прокурорского работника? – Вадим отряхнул руки и протянул криминалисту клык. – Первый никогда не поинтересуется у пациента, за что ему выбили зуб. Приобщите к материалу. Хотите наводку?

– Хочу, – признался молодой криминалист.

– Зуб новый, в смысле – не сточенный. Мы имеем дело с частью зубного «моста», так как есть следы от крепления к коронке соседнего зуба, и они еще не потемневшие. – Вадим вспомнил о своей золотой коронке на коренном, которую он видел в зеркале еще час назад, во время чистки зубов, и хотел было выпалить, что по давности установки она приблизительно равна с найденной, но, увидев жадные глаза Быкова, остановился. – Так... Способность атомов золота образовывать химические связи с другими атомами, то есть валентность, крайне низка... Особенно это относится к процессу образования солей. Поэтому я определяю время установки коронки как... – Подняв глаза к небу, он пожевал губами. – Четыре-пять месяцев.

Глядя на побледневшего Быкова, Пашенко в очередной раз беспристрастно отметил, что профессионализм – непрививаемая вещь. Заместитель областного прокурора, «шарящий» в валентности, это вам не... Это вам не за милицией надзирать. Кто знает, что одной фразой Пашенко выдал все

свои знания по школьному курсу химии? Один Струге, но тот ни за что никому об этом не скажет.

– Сергей Владимирович, установите все государственные и частные стоматологические клиники, занимающиеся протезированием зубов. Радиус поиска сужается, потому что не все берутся работать с золотом. Он еще больше сузится, если вы определите для себя возраст и пол пациента. Думаю, от двадцати до сорока, и это обязательно мужчина.

Объяснять далее Вадим не считал возможным, потому что если бы он это сделал, то через пять минут сам назвал бы фамилию того, кому Рожин выбил зуб. А тогда зачем носит погоны Быков?

Через минуту ему позвонил прокурор. Вадим отрапортовал, сознательно опустив фамилию потерпевшего, и направился к машине. Быков умный парень и все сделает так, как надо. Это в разговоре с Вадимом Сергей выглядит как первоклассник, но в этом нет ничего удивительного. Кто виноват в том, что Пашенко знает больше, умеет лучше и стал таким неудобным для бесед давным-давно?

А прокурор...

В камере СИЗО задыхается от жары и обиды друг. Он сейчас очень хочет есть, сидит у крошечной «решки», вдыхая полными легкими воздух с улицы. Откуда конвою знать, что у парня нет трети левого легкого? Да и знали бы вертухаи – наплевать им на это.

Сашка сидит, и пока никто не знает, кто его туда упря-

тал. Жизнь так паскудна, что поручиться сейчас Вадим может только за себя и Струге. Гадкие поступки на глазах зампрокурора совершали такие люди, за которых Пащенко мог поручиться не задумываясь. Но время идет, ума становится побольше, опыт матереет, эмоции притупляются. Рожина убили за то, что он стал лишним в деле Пермякова. Зачем прокурору сейчас сообщать, что Пащенко может назвать фамилию убиенного, даже если в карманах трупа нет документов? Чтобы перед прокурором логично встал вопрос – откуда это известно его заместителю? А если прокурор...

Ерунда, конечно, но профессионализм – вещь непропиваемая. Особенно тогда, когда в вонючей камере сидит друг детства. Друг, который скорее застрелится из табельного «ПМ», нежели возьмет деньги не в кассе прокуратуры, а из чужих рук.

Кормухин из областной прокуратуры прибыл в СИЗО для допроса Пермякова как раз после того, как Сашка доел капусту в мятой алюминиевой тарелке и допил жидкий, похожий на третью заварку чай.

– Хлеб будешь? – Сашка кивнул гаишнику на свой оставшийся после роскошного обеда кусок.

Тот почему-то решительно отказался. И в этот момент в двери заскрипел замок.

– Пермяков! На выход.

– Не колись, – посоветовал гаишник.

Толстяк на нарах, поджав губы, посмотрел на бывшего милиционера, как на дурака, и снова увлекся книгой.

Конвоир терпеливо ждал, пока бывший заместитель транспортного прокурора сполоснет под краном руки, потом шагнул из камеры, давая ему дорогу, и с грохотом захлопнул дверь.

– Расколется, – удовлетворенно заметил гаишник, которому не давала покоя обида за недавнюю трепку. – Прокурорских быстро колят.

Глаза «куриного» следователя повлажнели. Он уже почти закончил обед и теперь сидел между нарами толстяка и беззубым гаишником, теребя в руках полу спортивной майки. Он был в «расколе» уже неделю и сейчас терпеливо дожидался суда, надеясь на его гуманность и жалость. На что надеялся любитель романов, было непонятно, ибо за все время их общего пребывания в камере он лишь дважды перекинулся словом с сокамерником. С этим, от прокуратуры. Разговаривать с остальными он то ли брезговал, то ли считал излишним. Закончив трапезу, все, кроме толстяка и гаишника, полезли на свои места. Первый не вставал с самого утра, вяло пережевывал их с Пермяковым общую колбасу и запивал крепким «Ахмадом», а второй стал собирать посуду. Зануда «прокурорский» утром определил очередь уборки, и выходило, что первым в ней оказался именно бывший владелец полосатого жезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.